

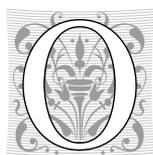

Исторический вестник. 2025. Т. LI
DOI: 10.35549/HR.2025.2025.51.008

Ф.А. Гуцин

«Короткая встреча»

Эпизод из истории сражения при Танненберге
в августе 1914 г.

Офицерские корпуса армий стран Антанты и центральных держав, вступивших в бой друг с другом летом 1914 г., были преимущественно кадровыми, имевшими в целом схожие традиции, воспитание и взгляды на военную службу. Нам представляется очень любопытным сравнение мировоззрения и профессиональных установок противников. Интересны их оценки друг друга, в особенности русских и немецких офицеров, по общему мнению, весьма сходные.

Среди обширного мемуарного наследия участников Первой мировой войны крайне редко можно встретить описание случайных встреч с офицером-врагом во время боевых действий вне непосредственного поля сражения. Особую ценность имеют воспоминания офицеров обеих армий-противников, оставивших изображение одной и той же встречи. Нам известно лишь несколько подобных записей (кавалергард Кочубей, Верховский, Рерберг и т. д.). Но все они относятся к 1915–1916 гг., когда война уже шла, победы и поражения создали репутацию обеим армиям в глазах врагов, да и всеобщее огрубление нравов не способствовало доброжелательному общению и желанию понять неприятеля, поэтому особенной ценностью в наших глазах обладают воспоминания двоих офицеров: русского капитана Павла Богдановича и германского оберлейтенанта Ханса Мартенса.

Судьба свела их в день капитуляции остатков центральных корпусов 2-й русской армии на поле сражения у Танненберга спустя все-

го месяц после начала войны. Мемуары Богдановича были написаны примерно в конце 1930-х и впоследствии переданы архиву Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына¹, а «Воспоминания из моей солдатской жизни» Мартенса, подготовленные к печати в 1955–1956 гг., но так и не увидевшие свет, хранятся во Фрайбурге². Несмотря на то что обе рукописи написаны значительно позже августа 1914 г., между ними практически нет разночтений, что позволяет относиться с доверием к описанию мемуаристами фактической стороны событий.

К 1914 г. оба автора-офицера не были новичками в армии. Капитан Богданович, родившийся в 1883 г. в Одессе, по окончании Царицынской классической гимназии и Киевского военного училища в 1904 г. отправился служить в старейший полк русской армии — 13-й гренадерский Эриванский³ — и находился в нем до поступления в Академию Генерального штаба, которую окончил в 1911 г. по 1-му разряду.

Ханс Мартенс, который был на семь месяцев моложе Павла Богдановича, родился в интеллигентной восточногерманской семье небогатого управляющего крупным поместьем. Нигде в воспоминаниях Мартенс не говорит прямо о своем дворянском происхождении, что сближает его с Богдановичем, бывшим потомственным почетным гражданином, несмотря на это, служившим в двух лучших полках русской армии.

Рано лишившись отца⁴, Мартенс воспитывался энергичной и заботливой матерью, дочерью уважаемого в округе лесничего. Городом его детства был старинный Данциг, которому посвящены многие страницы воспоминаний и в котором автор окончил гимназию. В сентябре 1903 г. Мартенс поступил фанен-юнкером в 4-й (1-й Померанский) уланский полк фон Шмидта, стоявший в Торне, крупнейшем гарнизонном городе Восточной Германии. С апреля по декабрь 1904 г. Мартенс был в Данцигском военном училище, после чего вышел в свой полк фенрихом. В полку он прослужил девять лет на разных должностях, в том числе с ноября 1910 г. — полковым адъютантом, кем был ранее и Богданович в своем лейб-гренадерском Эриванском полку, так как с 1909 г. он уже

¹ ДРЗ имени А. Солженицына. Ф. 7. Оп. 6. Д. 1.

² ВА-МА. № 400/8.

³ Основан в 1642 году.

⁴ Отец же П.Н. Богдановича умер в 1915 г., когда его сын находился в плену.

учился в академии. Говоря о крепком товариществе в своем кавалерийском полку, имевшем всего 25 офицеров, Мартенс замечает:

«Обратной стороной столь тесного общения в повседневной жизни офицеров была неизбежная однобокость в воззрениях, так как не было свежих духовных запросов. В такой намеренной однородности офицерства заключалась, однако, и его сила, которая вполне оправдала себя готовностью к самопожертвованию в 1914–1918 годах»⁵.

Несмотря на то что Богданович был пехотинцем, он бы, вероятно, согласился с мнением своего немецкого коллеги, тем более что офицеры Эриванского и Преображенского полков, в которых он служил, имели очень развитое корпоративное сознание⁶. «Офицерский корпус моего старого полка комплектовался в основном сыновьями западно-прусских, позенских и померанских помещиков», — пишет Мартенс. Но обществу померанских улан по родовитости было далеко до эриванцев и преображенцев, в состав которых входила кавказская и общероссийская аристократия⁷. То, что не дворянин Богданович занял в своих полках достойное положение, безусловно, свидетельствует в его пользу. Нет сомнения, что Богданович мог бы повторить вслед за Мартенсом:

«Я же был убежден, что корпоративный дух и воспитание в моем полку оказали решающее влияние на становление моего характера и тем самым — на дальнейшую профессиональную жизнь»⁸.

Первые годы службы обоих офицеров пришлось на годы Русско-японской войны, когда Россия и Германия были если и не союзными странами, то во всяком случае доброжелательно настроенными по отношению друг к другу. Офицеры стоявших на границе гарнизонов без церемоний ездили друг к другу в гости. Мартенс вспоминает, что уланы наносили визиты русским пограничникам и фотографировались с ними. В 1950-е гг., после двух мировых войн, их 50-летней давности отношения с соседом представлялись бывшему улану такими:

«И хотя мы уже тогда смотрели друг на друга как на будущих врагов, все же корректное и товарищеское отношение с обеих сторон вос-

⁵ Полк Мартенса отлично проявил себя во время Первой мировой войны. В его рядах погибли 25 офицеров, 185 унтер-офицеров и улан.

⁶ Оба этих полка в 1914–1917 гг. сражались не менее достойно, чем померанские уланы: лейб-эриванцы потеряли убитыми 29 офицеров, а преображенцы — 42.

⁷ Уже обучаясь в Академии Генерального штаба, Мартенс в 1913 г., желая ближе познакомиться со службой и с атмосферой в гвардии, попросил направить его на стажировку в 1-й гвардейский полк полевой артиллерии. Таким образом, опыт гвардейской службы у Мартенса был гораздо меньше, чем у его русского коллеги.

⁸ Ibid. Bl. 65.

принималось как само собой разумеющееся. Ранее, когда еще не столь страстно подогревался панславизм, хранили воспоминания о русско-прусском боевом братстве времен Освободительной войны, они еще не потускнели, а офицеры приграничных полков вполне официально наносили друг другу визиты. При правлении Александра III стало совершенно иначе. Опасность русско-германского конфликта становилась все более осязаемой⁹.

Я же за девять лет моего торнского периода один-единственный раз видел посещение нашего казино двумя русскими офицерами. Это были ротмистр барон Розен — то есть балтийский немец — и ротмистр с русской фамилией, с которыми мы познакомились во время нашего выезда в русско-польские целебные грязи Цехоцинек и которых затем пригласили на скачки в Торн. Естественно, мы их стали угощать; потом были тосты за здоровье обоих «Высочайших Главнокомандующих», а русские разбили стаканы о стену, чтобы более никто не мог пить из кубка, из которого пили за здоровье царя. Была ли эта специфическая церемония уже после официального тоста или только в более веселый час, я уже не помню, но знаю, что мы тогда прекрасно понимали друг друга с обоими влоцлавскими уланами, которые были ветеранами Русско-японской войны, а ранее — в гвардии: элегантные и вполне светские люди. На улицах в Торне часто можно было видеть русских офицеров в мундирах, но без сабель; они ездили в город за покупками. Само собой, мы отдавали им честь. Германские же офицеры переезжали через границу очень редко; но я никогда не прошу себе, что не был в Варшаве, что — насколько я помню — вполне было обычным делом у офицеров нашего полка»¹⁰.

Кавказскому гренадеру Богдановичу, чей полк до войны стоял в урочище Манглиси, вряд ли доводилось до Первой мировой войны общаться с германскими офицерами, о чем нет и упоминания в его мемуарах. Любопытно, что у Мартенса не сложилась поездка на Кавказ именно тогда, когда там служил эриванец Богданович:

«В 1907 году капитан Штойер из 61-го полка, у которого я часто бывал, приглашал меня поехать с ним, его женой и еще двумя нашими офицерами-приятелями, которые так же, как и он, говорили по-русски, на Кавказ, чтобы провести там некоторое время в поместье гос-

⁹ В 1909 г. один из товарищей Мартенса, рассуждая о будущей войне, говорил: «Когда-нибудь кости наши будут блестеть на полях сражений под Москвой». Однако до Москвы он не дошел: в сентябре 1915 г. был убит под Сморгонью, командуя эскадроном.

¹⁰ Ibid. Bl. 31.

подина фон Кутченбаха. Я, естественно, загорелся этой идеей, однако мой командир, полковник Эме, был иного мнения. Всего несколькими месяцами ранее я потерял свою мать, мог теперь вполне свободно распорядиться деньгами, так что Эме считал своим отеческим долгом позаботиться обо мне. На вопрос, как же я намерен финансировать поездку, я ответил, что возьму один или два векселя. Он заявил, что это — легкомыслие, и отказал мне в отпуске. С лучшими намерениями, но все же неверно. Векселей в обстановке инфляции я бы все равно не спас, а вот на одну прекрасную поездку в моей жизни стало меньше. А вот если бы я проиграл деньги или же “разбрасывался ими через плечо” в Берлине — вот тогда Эме и слова бы не сказал!»¹¹

Остается удивляться, что командир приграничного полка отказал в поездке в страну вероятного противника заинтересованному молодому офицеру, да еще и намеревавшемуся осуществить ее за свой счет.

Надо сказать, что мемуары улана наполнены рассказами о бесчисленных путешествиях как по Германии, так и по различным странам, включая Францию и Османскую империю. Особое предпочтение Мартенс отдавал морским круизам, о которых оставил великолепные воспоминания¹². Молодой кавалерист был прекрасным семьянином, не чуждым, как и положено, скачкам, теннису, театральным постановкам, поэзии и т. д. Этим он также был похож на своего русского коллегу: Богданович перед войной совершил путешествие по Турции, Греции, Малой Азии и Египту, отлично ориентировался в военной истории, обладал широким кругозором и занимался спортом. Однако, в отличие от сентиментального и, кажется, простодушного Мартенса, знавшие Богдановича лица отмечали его чрезвычайное честолюбие, стремление к первым ролям «при фактическом отсутствии талантов». Как нам кажется, многочисленные тексты, оставленные Богдановичем, и его жизненный путь не вполне подтверждают эту характеристику.

В 1910 г. Мартенс женился¹³ и стал готовиться к поступлению в военную академию, которая в Германии, как и в России, давала возможность

---

¹¹ Ibid.

¹² Особо сожалел кавалерист, любивший моря и океаны, что война не дала ему возможности пройти стажировку после академии на одном из кораблей флота Открытого моря.

¹³ Как следует из послужного списка П. Н. Богдановича, в январе 1914 г. он не был женат. После Первой мировой войны, будучи какое-то время в эмиграции в Нидерландах, он женился на «очень богатой голландке» и потому располагал весьма значительными денежными средствами.

небогатому, но способному и мотивированному молодому офицеру добиться успехов в службе и была обязательным этапом стремительной карьеры.

Первого октября 1912 г. лейтенант Мартенс, успешно сдавший вступительные экзамены, был откомандирован в академию: «Я отправился в монументальное, но поистине некрасивое красное кирпичное здание военной академии на Доротеен-штрассе, чтобы отметить прибытие». К тому времени штабс-капитан Богданович¹⁴, уже окончивший военную академию в Санкт-Петербурге, который вряд ли назвал бы ее здание некрасивым, командовал для ценза ротой в Преображенском полку.

Обучение Мартенса в академии сопровождалось весьма неординарными событиями:

«Случилась небольшая сенсация (в 1912 г. — Ф. Г.): отсутствовал лейтенант Дам. Он был арестован в России как шпион во время своей поездки в отпуск. Через несколько недель Дам объявился, бледный и исхудавший. Он сделал несколько зарисовок станций и мостов, а в его дневнике обнаружили заметки, показавшиеся подозрительными. Арестовали его явно лишь затем, чтобы обменять уже на настоящего и опасного русского шпиона, которого германская сторона освободила крайне неохотно. Естественно, Дам стал для нас героем дня; в 1945 году, русские его, директора фабрики в Тюрингии, забрали, с тех пор он пропал»¹⁵.

Даже на фоне весьма интенсивного темпа обучения в академии Мартенс находил время для посещения лекций по экономике и истории в Берлинском университете. Особо отмечал он в своих воспоминаниях, подобно многим другим мемуаристам эпохи, веселье и безмятежность предвоенного Берлина, ставшего оживленным и блестящим городом мирового значения. Вне всякого сомнения, Богданович мог бы сказать то же самое о довоенном элегантном Санкт-Петербурге, несмотря на то что в начале 1914 г. он был причислен к Генеральному штабу и отправился в 8-ю пехотную дивизию, расположенную в Варшавском военном округе. Можно констатировать, таким образом, что карьера Богдановича к лету 1914 г. развивалась успешнее, чем у Мартенса¹⁶. Будучи почти его ровесником, он существенно превосходил того по службе, занимая

¹⁴ В капитаны он был произведен 6 декабря 1913 г.

¹⁵ Ibid. Bl. 88.

¹⁶ Это объяснялось не столько разницей их заслуг, сколько более медленным темпом чиновного производства в германской армии.

высокий штабной пост, в то время как недавнему улану оставался еще год учебы в академии¹⁷. Однако и военная карьера Богдановича, и учебные планы Мартенса, как и тысяч их ровесников и современников, оказались сметены начавшейся Первой мировой войной.

Тридцать первого июля (нового стиля) 1914 г. в Германии было объявлено «положение, угрожающее войной». Мартенс оставил об этом периоде воспоминания, наполненные живым описанием типичных военных настроений, царивших в Берлине (причем для всех столиц стран — участниц войны). Знакомые недоучившегося генштабиста прощались с ним так: «До встречи в Москве!»¹⁸ Иностранцы покидали город, на улицах и в кафе царило большое патриотическое воодушевление.

Мобилизационным предписанием Мартенса было установлено, что в первый день мобилизации он должен был отправиться в 3-й резервный полк тяжелой конницы¹⁹, что кадровый офицер счел практически разжалованием. Как офицеру пограничного полка и учащемуся академии, ему было известно, что германское командование ожидает вторжения на территорию Восточной Пруссии крупных масс русской конницы непосредственно после объявления войны. Он, как и большинство его современников, не считал, что начавшаяся война продлится долго, однако необходимость вести оборону и отступать вглубь своей территории не добавляла оптимизма. Мартенс не пожалел негативных характеристик для своего полка: он называл его «прискорбным», сетовал на плохую выучку прибывших резервистов, а общий вид полка считал безрадостным. Первой боевой задачей Мартенса стала рекогносцировка вражеской территории в компании эскадронного командира, причем это мероприятие не было легкой прогулкой: мемуарист упоминает о гибели одного из патрулей в составе семи кавалеристов, павших в схватке с русской конницей, захватившей их врасплох в одной из усадеб. Впечатления первой недели войны в его памяти оказались более наглядными и стойкими, чем куда более серьезные события позднейшего времени. Особенно грустно было ему оттого, что приходилось сдавать широкую полосу германской территории, в чем кавалеристов

¹⁷ Начавшаяся вскоре Первая мировая война нанесла существенный урон академическому выпуску Мартенса. В воспоминаниях он отметил, что из 53 его сокурсников по академии 12 погибли в Первую, а 4 — во Вторую мировую войну. В то же время из 91 сокурсника Богдановича по выпуску 1911 г. в боях Первой мировой войны погиб лишь 1 офицер.

¹⁸ Увидеться им удалось лишь в Вильне в 1916 г.

¹⁹ Входил в состав 35-й резервной дивизии генерала фон Шметтау.

упрекали жители германских деревень, а им, по воспоминаниям Мартенса, было за это стыдно. Ярко описана пережитая Мартенсом паника в роте 107-го ландверного полка, получившей приказ выбить русских из деревни, однако смешавшейся от их огня и ставшей буквально «обезумевшей»²⁰. Не поддались панике лишь ротный командир и разъезд Мартенса. С трудом удалось восстановить порядок, отступить и «уныло дожидаться утра». Днем 24 августа Мартенс наблюдал длинную колонну русских, наступавшую с юга на Уздау. Это был левый фланг 2-й армии, прикрывавшийся 15-й кавалерийской дивизией. В общем, начало войны на Восточном фронте, с точки зрения немцев, защищавших Восточную Пруссию, выглядело весьма непривлекательным. Однако утром 25 августа Мартенс стал участником событий, ознаменовавших перелом операции в лучшую для немцев сторону. Вся местность вокруг станции Таутшкен была полна русской кавалерии, поэтому наблюдавший за ней Мартенс «лишился речи от изумления», когда увидел медленно двигавшийся локомотив, остановившийся на этой станции под огнем русской артиллерии. Из него вышел обер-лейтенант гвардейских стрелков фон Стефани, причисленный к Генеральному штабу и оказавшийся уполномоченным по железным дорогам штаба 8-й армии. Он, узнав местную обстановку, сообщил Мартенсу, что здесь будут выгружаться передовые части I армейского корпуса, прибывшие из-под Гумбиннена после неудачного сражения. Он же уведомил его о смене армейского командования. Сложно поверить, что Мартенс в действительности ощущал тогда то, о чем написал в мемуарах:

«Впечатление от всех этих новостей у меня было очень сильным. Сразу мне стало ясно, что теперь я нахожусь посреди кульминации мировой истории. Здесь же завязалось и решающее сражение. Мне показалось просто шедевром смелости командования перебросить отступивший армейский корпус по железной дороге за кавалерийской завесой вплотную к передовой»²¹.

Так или иначе, но Мартенс стал очевидцем начала формирования ударной группы правого крыла германских войск, которые вскоре смели левый фланг Самсоновской армии, что существенным образом отра-

²⁰ Двадцать седьмого августа Мартенс пережил «поистине страшные минуты», наблюдая поспешное отступление полков 2-й пехотной дивизии под русским огнем. Можно с уверенностью сказать, что отрицательных впечатлений к моменту капитуляции русских у него было гораздо больше, чем у Богдановича, чья дивизия наступала и сражалась весьма успешно, беря пленных и трофеи.

²¹ Ibid. Bl. 106.

зилось на судьбе ее центра, успешно наступавшего вглубь германской территории. В составе этой центральной группы корпусов находилась и 8-я дивизия с капитаном Богдановичем.

Во время вторжения в Восточную Пруссию Богданович состоял в должности старшего адъютанта штаба 8-й пехотной дивизии. Ее документы за период восточнопруссского похода практически не сохранились, а в тех, что остались и доступны, капитан Богданович не упоминается, но, несмотря на это, в автобиографии он называет себя «начальником штаба дивизии с мая 1914 года»²², а далее говорит о том, что после объявления войны произвел мобилизацию дивизии в Белянском лагере под Варшавой. До вступления на территорию врага русским штабам пришлось пережить немало неприятных моментов. Говоря о мобилизации своей дивизии, Богданович писал:

«В лагерь под Варшавой во время мобилизации 8-й пехотной дивизии приехал командир XV армейского корпуса генерал Мартос. Пишущему эти строки генерал сказал приблизительно следующее: “Я переживаю четвертую войну и никогда не видел подобной сумятицы и гонки; это не предвещает ничего хорошего, и у меня сложилось впечатление, что нам придется играть роль жертвы”»²³.

Несмотря на нервную атмосферу, мобилизация приграничных корпусов, по общему мнению, прошла неплохо, и 8-я дивизия в составе армии Самсонова выступила на войну, которая началась для нее практически сразу с интенсивных боев.

Перейдя в полдень 9/22 августа границу у Янова, 8-я дивизия к вечеру того же дня заняла г. Нейденбург, а на следующий день атаковала немецкие позиции у д. Орлау, которые и взяла после полудня 11/24 августа; 13/26 августа дивизией был с боем взят г. Хохенштейн. С 14/27 по 15/28 августа были упорные бои на линии Дребниц — Ваплиц, вечером 15/28 августа — ночной бой у Надрау, а на следующий день — у Ланы. В автобиографии Богданович пишет, что был контужен у Орлау, ранен у Надрау²⁴ и при выходе из окружения, а за бои у Хохенштейна и Надрау

²² В списках потерь 2-й армии отмечен убитый 17 августа начальник штаба 8-й дивизии полковник Л.И. Давыдов, значившийся начальником штаба дивизии с 22 июля 1914 г.

²³ *Богданович П.Н.* Вторжение в Восточную Пруссию в августе 1914 г. Буэнос-Айрес, 1964. С. 52.

²⁴ Еще в 1905 г. Богданович был в командировке для открытия ж/д пути Тифлис — Баку, где был ранен бомбой, а в 1906 г. отправился в Манглисский уезд для успокоения взбунтовавшихся селений, причем на обратном пути был ранен в ногу.

был представлен в штаб-офицеры. К сожалению, никакого объективного документального подтверждения эта информация не находит. Но, несмотря на это, можно констатировать, что к моменту встречи с Хансом Мартенсом молодой русский генштабист имел уже несколько ранений, боевой опыт и был причастен к управлению войсками в победных боях, что важно для понимания его психологического состояния в день капитуляции.

Двадцать восьмого августа вечером германские войска вернули себе Нейденбург, в котором за пять дней до того был капитан Богданович. В отбитом городе Мартенс остался ночевать с ротой гренадерского полка, а утром следующего дня, выполняя приказ, отправился в местечко Грюнфлис (в 8 км к северу от Нейденбурга), где должен был найти свой эскадрон. Однако там он его не обнаружил, предположив, что тот наступает на Вилленберг, отправился туда. Этот марш, по признанию Мартенса, стал одним из самых драматических моментов его жизни. Через дорогу, по которой двигался Мартенс, Наревская армия, зажата с трех сторон, пыталась прорваться на юг, в Россию. Среди частей, шедших на прорыв, были и полки 8-й дивизии, с которыми отступал Богданович. Между тем зримые признаки поражения русских были уже налицо. Так, если верить мемуарам Мартенса, ночь с 29 на 30 августа он провел в сарае в Венцковене, где якобы ночевал и плененный генерал-лейтенант Ключев, командующий XIII армейским корпусом, «с трудом сдерживающий слезы, но державшийся очень достойно». Мартенс не спускал с него «внимательных глаз», но «благодарение Господу, Ключев не сбежал» и его невольному конвоиру удалось хорошо поспать. Этот эпизод вызывает недоумение у знающего хронологию разгрома 2-й армии: видимо, Мартенса в этом случае подвела память, так как генерал Ключев попал в плен лишь в полдень следующего дня, о чем оставил подробные воспоминания капитан Богданович, очутившийся в плену тогда же²⁵.

Днем 30 августа Мартенс, переживший с утра несколько артналетов и участвовавший в отражении попыток прорыва окруженных русских войск, заметил, что враг начал сдавать и на окраинах леса стало появляться все больше белых платков. Вскоре потянулись длинные вереницы пленных с генералами во главе, шедшие на запад. По бокам дороги стояли бесчисленные обозы и парки. Подъехав к перекрестку дорог в Рой-

²⁵ За полутора суток до Ключева в плен попал генерал Н.Н. Мартош, поэтому в этом случае речь может идти о нем, несмотря на то что и в мемуарах, и в полковой истории Мартенс уверенно называет именно командира XIII корпуса.

швердере, Мартенс увидел гигантскую толпу пленных (по версии Рейхс-архива — до 17 тыс. человек).

Капитан Богданович подробно описал события, предшествовавшие его попаданию в плен. В ночь с 29 на 30 августа он потерял в лесу своего начальника дивизии, когда они оба пытались сформировать группы для прорыва из окружения. Больше им уже никогда не довелось встретиться. На рассвете, после боя, Богданович собрал около двух рот с полубатареей и вышел на дорогу, по которой тянулись части XIII корпуса. От них он узнал, что их командир находится впереди (по свидетельству Мартенса, он в этот момент уже находился в амбаре с. Венцковен). Атмосфера вокруг была довольно мрачной:

«Кругом стоял грохот артиллерийской и ружейной стрельбы, гул человеческих голосов, взад и вперед носились одиночные всадники, за которыми тяжело скакали брошенные обозные лошади, и повсюду — море разбитых повозок и фур...»²⁶

После бесплодных попыток образумить нестроевых запасных Богданович решил проехать вперед, к Ключеву, чтобы узнать, что делается и предполагается делать. Проезжая к штабу XIII корпуса, он заметил неподалеку готовую к стрельбе немецкую конную батарею и надвигающуюся шагом кавалерию.

На поляне в середине толпы из 3–4 тыс. человек без оружия, сапог и фуражек реял флаг корпусного командира. Находившийся там генерал Ключев громким голосом сообщил, что дальнейшее сопротивление он находит невозможным и во избежание бесполезного кровопролития приказывает сдаться. Желаящие пробиваться индивидуальным порядком могли это делать. Затем он отправил к немцам ротмистра с трубачом и белым флагом... Было около 15 ч. (по Санкт-Петербургскому времени. — Ф. Г.).

Последующие события удобно описывать при помощи синхронного цитирования мемуаров Мартенса и Богдановича с добавлением фрагментов написанной Мартенсом полковой истории²⁷ и с нашими краткими комментариями.

Б.: «Всех направили в район ж/д станции Ройшвердер. Генералов и офицеров поместили в доме, где немецкий офицер предложил им вино и пиво; все от этого отказались, некоторые попросили воды». (За-

²⁶ Богданович. Указ. соч. С. 242.

²⁷ Martens H. Kurzer Überblick über die Geschichte des Schweren Reserve-Reiter-Regiments Nr. 3. O. o., 1930.

метим, что и от идеи пробиваться индивидуальным порядком помещенные в этой школе также отказались. — Ф. Г.)

М.: «В школе (в Ройшвердере. — Ф. Г.) были надежно размещены сотни генералов, офицеров Генштаба и адъютантов высших штабов, большинство из них были элегантно одеты, в узких высоких лаковых сапогах и с орденами на груди. Охраняли эту массу две роты 43-го пехотного полка²⁸. Я доложил их командиру, гауптману Грюну, предоставив себя и моих всадников в его распоряжение... Грюн тут же нашел мне задание: в нескольких километрах к северу стояли русские батареи, которые я должен был доставить. Я быстро собрал около 40 всадников, которые, как и я, не могли найти свои части (драгуны, уланы, конные егеря, кирасиры; потом они заставили выехать 12 упряжек с русскими возницами), и взял из школы одного капитана Генштаба в качестве переводчика. Он представился мне по всей форме, отдал честь: “Капитан Богданов”».

Б.: «Через некоторое время в нашу комнату вошел немецкий офицер и предложил одному из офицеров Генерального штаба следовать за ним. Генерал Пестич, который сидел за столом с Ключевым и началь-

²⁸ Нельзя пройти мимо такого наглядного описания того волевого паралича, который охватил командование и офицеров двух разгромленных русских корпусов. Несколько генералов и сотни офицеров, запертые в ройшвердерской школе, безусловно, понимали, что их охраняют всего две роты измотанных немцев, однако никто из пленных и не подумал организовать сопротивление и попытаться освободиться, используя тысячи солдат, находившихся вокруг. Многие из генералов и офицеров имели солидный боевой опыт прежних войн; за неделю, проведенную в Восточной Пруссии, они одерживали победы, захватывали трофеи и пленных. Однако в решающий момент по каким-то причинам силы воли на организацию прорыва у них не нашлось. Чем можно это объяснить? Ощущением безусловного превосходства немцев — сродни таковому же у чинов 3-й Тихоокеанской эскадры перед японцами в последний день Цусимского сражения? Вряд ли, так как тактические победы русских войск над немцами, безусловно, имели место, чем русские моряки похвастаться не могли. Возможно, кто-то испытывал смертельную усталость; к примеру, генерал Ключев, по его словам, не спал подряд несколько ночей. Иные из пленных могли предполагать, что плен не продлится долго, так как придет подмога, что можно будет избежать плена, дав честное слово не участвовать в боевых действиях, или что война скоро закончится (по примеру Русско-японской войны 1904–1905 гг.). Разумеется, все эти мотивы не могут исчерпывающе объяснить похожее поведение тысяч кадровых офицеров... Заметим, что совокупность отрицательных впечатлений, полученных за ту же неделю германскими офицерами, в том числе Грюном и Мартенсом, не привела ни к капитуляции двух рот перед шедшими на прорыв русскими, ни к простому бегству перед ними. Возможно, кажущаяся пассивность пленных офицеров объяснялась и тем, что, сдавшись по приказу старшего начальника (генерала Ключева), они приобрели новый юридический статус «военнопленных» и не имели права бежать, нарушая этим правила и обычаи войны. Похожим образом вели себя германские офицеры 59-го пехотного полка, попавшие в плен под Ваплицем 15/28 августа 1914 г.

ником 1-й пехотной дивизии Угрюмовым, дал мне знак как, думаю, находившемся ближе других к выходу. Мы вышли с немцем во двор, где была группа спешенных кавалеристов в 10–12 человек, во главе которой был худощавый, среднего роста²⁹ обер-лейтенант (потом оказалось — прикомандированный к Генеральному штабу)³⁰. Он начал что-то быстро, волнуясь, говорить по-немецки; я ему ответил, что почти не знаю языка. Тогда он спросил, не говорю ли я по-французски; я ответил утвердительно».

М.: «Мы кое-как объяснились по-французски, я просил его разъяснить возницам задачу и передать им мои приказы. Кроме того, его долгом было позаботиться о прекращении огня, если вдруг по нам вздумают стрелять. Если же я замечу, что он делает как раз обратное, то он будет первым, кто погибнет; при этом я показал на свой пистолет, а он с улыбкой ушел».

Полковая история: «В Ройшвердере набралась целая толпа всадников из разных полков: 8-го уланского, 10-го конноегерского, 10-го и 11-го драгунских. Встретил меня там и лейтенант Блум с несколькими всадниками из 1-го эскадрона 3-го резервного полка тяжелой кавалерии. Он присоединился ко мне, и мы набрали всех, кто был верхом. Вскоре получилось около 30 человек. Затем я вызвал капитана русского Генштаба — Богданова (мы представились друг другу по всей форме) — сопровождать меня, сообщил ему свое задание и объяснил, что в его задачу входит в случае атаки со стороны русских остановить ее, указав на общую обстановку, при этом я вытащил свой многозарядный пистолет, сказав, что он будет первым, кого убьют, если он будет призывать русских к боевым действиям. Он понял, попросив лишь, чтобы мы говорили по-французски, так как он не знал немецкого, а я — русского».

Б.: «Он (Мартенс. — Ф. Г.) мне сказал приблизительно следующее. Командующий русской армией отдал приказ о сдаче, между тем отдельные русские группы продолжают сопротивление, а это ведет только к излишнему и бесполезному кровопролитию, поэтому он, как старший

²⁹ Ханс Мартенс имел довольно субтильное телосложение. Он вспоминал, что однажды, уже во время революции в 1918 г., его жена смеялась, увидев его в штатском платье, окруженного грозными фигурами в стальных шлемах и с ручными гранатами за поясом. Ей показалось, что он выглядел в этой ситуации как пойманный мелкий мошенник.

³⁰ Удивительно, но в подробных мемуарах Мартенс ни словом не обмолвился о том, когда им был получен чин обер-лейтенанта. Да и к Генштабу, судя по воспоминаниям, он был причислен («попал в Большую будку») лишь летом 1916 г.

в секторе³¹, предлагает мне ехать с ним и сообщить сопротивляющимся, что сдача состоялась. Я безо всякого колебания немедленно согласился; чудовищный кошмар всего произошедшего начал рассеиваться, вернулась способность спокойно рассуждать. В немецком предложении, продиктованном паникой, я увидел неожиданно появившийся шанс присоединиться к одной из наших сопротивлявшихся групп и пробиться с нею. Наступление генерала Душкевича на Нейденбург стало сказываться, верхи нервничают до потери чувства реальности».

М.: «Мы поехали во главе кавалькады и рысили к северу через невысокие заросли. Пришлось ехать примерно 20 мин, а потом мы действительно наткнулись на брошенные людьми и лошадьми батареи. Капитан Богданов с величайшей энергией подгонял возниц, чтобы они запрягли, так как ему эта ситуация явно была очень неприятна. Все действовали замечательно. Потом прибыли и другие упряжки, посланные нам вслед Грюном. Как только одно орудие оказывалось в передках, оно выезжало назад в сопровождении нескольких всадников. За последним отправились Богданов и я».

Полковая история: «Богданов попросил, чтобы ему позволили ехать на его лошади. Так как он, несмотря на долгие поиски, ее так и не нашел, то пришлось ему взять другую».

Б.: «Я попросил найти моего коня, который остался в видимой с нашего места группе лошадей; немцы сделали вид, что найти его нельзя было, и привели мне лошадь, еле стоявшую на ногах. Я сел в седло; левый повод взял один из немцев, другой немец поместился сзади меня с револьвером наготове, обер-лейтенант заявил, что при малейшей попытке к бегству меня застрелят на месте. Обер-лейтенантский французский язык можно было еще понять, остальные говорили что-то очень сложное. Справа от меня поместился автор любезного заявления, а впереди пошел или младший офицер, или вольноопределяющийся (вероятно, лейтенант резерва Блюм. — Ф. Г.); обер-лейтенант еще поспешил сделать дополнительное заявление: если по нашей группе русские откроют огонь, я буду немедленно застрелен; я принял и это фантастическое по своей логике заявление. Протестовать против такой своеобразной сентиментальности и трогательной предосторожности не было расчета, потому что немцы, потерявши голову, были взвинчены до крайности. Хотелось только как можно скорее приблизиться к какому-нибудь центру

³¹ Странно, что Мартенс назвал себя таковым. Судя по чину, в Ройшвердере им был гауптман Грюн.

сопротивления: там была бы некоторая сила, а я дал бы ей недостающую ориентировку. К югу от железной дороги в этом районе я ничего, кроме жидких немецких цепей, не видел. Мы двинулись к рощу влево, откуда слышались оживленные выстрелы. Мои немцы чувствовали себя довольно кисло, с тревогой посматривая на рощу, а потом приостановились. Я начал настаивать на том, чтобы мне ехать в рощу и переговорить там со старшим. Думаю, моя настойчивость испортила дело: в сторону, в обход рощи, были высланы два кавалериста, которые, скоро вернувшись, доложили, что сопротивление прекращается (стрельба действительно стала утихать). Тогда немцы сказали, что надо ехать к следующему очагу сопротивления; вместо этого, вскоре наткнувшись на наши брошенные орудия, с помощью вышедших из кустов и русских, и немецких солдат они занялись вывозом орудий на ближайшую дорогу, с которой немецкий артиллерист начал переправлять их дальше. Здесь один из немцев ударил нашего солдата прикладом. Я обратился к обер-лейтенанту с протестом. Он очень резко разнес своего солдата, выразил мне свое сожаление, объяснил все повышенной нервностью и тем, что солдаты не понимают друг друга, просил меня объяснить нашим (их было 5–6 человек), что от них требуется, говоря, что таких случаев больше не повторится³². Я сказал нашим, чтобы скорее помогли немцам выкатить орудия на дорогу. Я торопился, так как на эту ненужную операцию выкатывания нескольких орудий на дорогу смотрел как на предлог к оттяжке времени; с запада же шел гул серьезного боя. Я снова напомнил обер-лейтенанту о “напрасном кровопролитии”, тем более что орудиями всецело занялся командир немецкой батареи, который успел вызвать запряжки. Здесь я убедился, что мои настояния определенно стали подозрительными; немцы стали шептаться, и мы направились следом за уходившими орудиями на... восток. Все чаще стали попадаться немецкие патрули и команды, мое настроение упало до уровня отчаяния: мы больше и больше удалялись от очагов сопротивления... Немцы одумались и пришли в себя. Роли переменялись: теперь к немцам вернулась способность спокойно рассуждать».

Полковая история: «Гауптман Грюн дал нам несколько русских упряжек и возниц, и наша кавалькада устремилась по песчаной дороге к сосновому бору на севере. Мы проехали, должно быть, четверть часа, когда увидели русскую батарею с повозкой с боеприпасами, без лошадей, дышлами к югу, стоящую на дороге. Очевидно, прислуга и возница искали спасения в бегстве; мой друг Богданович приказал запрягать,

³² В воспоминаниях Мартенса этот эпизод отсутствует.

и затем мы отправили одно за другим орудие при двух всадниках в Ройшвердер, откуда капитан Грюн высылал нам следующие повозки.

Прямо за передней батареей мы наткнулись на колонну артиллерии и обозов. В лесу еще крутились русские пехотинцы и всадники. Однако крупных сомкнутых формирований уже не было видно. Несмотря на это, в невысоких соснах было очень неудобно, так как вокруг нас постоянно потрескивало. Богданович был не в особенно хорошем настроении, потому что он постоянно энергично подгонял своих артиллеристов. Когда у нас осталось два всадника, он, Блум и я, а за нами — последнее запряженное орудие поехали назад в Ройшвердер. Мы вынуждены были бросить бесчисленное множество повозок и орудий. Их собрали позже.

М.: «Прямо перед Ройшвердером я поблагодарил его (Богдановича. — Ф. Г.) за действительную помощь; он ответил, что, к сожалению, должен был сдать свою саблю, вверенную ему царем, иначе он обязательно отдал бы ее мне в память о нашей маленькой экспедиции, так как у меня она была бы в хороших руках. Я ответил, что ценю такую честь, так что охотно принял бы саблю. Он хотел посмотреть, не найдет ли ее в груди трофеев. Это не получилось сделать, так что он передал мне другой наградной клинок с маленьким эмалевым крестом. Когда русские заняли в 1945 году Целендорф, мне пришлось сдать этот трофей вместе с пистолетом с еще дульной зарядкой моего дедушки и моей старой кавалеристской саблей. Эта маленькая история вообще характерна для представлений в старом, кайзеровском, офицерском корпусе. Для нас пленный офицер, само собой, более “врагом” не являлся — он был благородным кавалером и товарищем. Когда я доложил Грюну о выполненном задании, он был явно на нервах, затем отвел меня в сторону и тихо сказал: “Положение очень серьезное. Русские взяли с юга Нейденбург и наступают сюда”. Затем галопом примчался пехотный офицер и взволнованно доложил, что русские уже в Пухалловене, то есть всего в 4 км».

Б.: «Обер-лейтенант участливо и любезно вел разговор³³, рассказывал о службе, семье и своем городе — Гамбурге³⁴; беспокоился о том,

³³ Заметим, что «участливому и любезному разговору» не помешали некоторые антирусские настроения, которые могли уже овладеть Мартенсом, получившим свежие впечатления по этому поводу. В воспоминаниях он писал: «Потом мы двинулись через деревни и поместья, где уже побывали русские войска, и были потрясены тем, как там все выглядело, и все же как это все было безобидно по сравнению с теми опустошениями, что довелось пережить во Вторую мировую войну». Ibid. Bl. 106.

³⁴ Родным городом Мартенса был Данциг, однако он много раз до войны бывал в Гамбурге, так что немало страниц его воспоминаний посвящено достопримечательностям и этого города.

что у меня нет ничего, кроме кителя, и отдал распоряжение найти мою двуколку; патруль отправился ее искать. Через час он вернулся, конечно, ни с чем; легче было бы найти иголку в стоге сена, чем мою двуколку в море разбитых обозов! Мой собеседник обещал с утра продолжать искать мою двуколку и переправить мои вещи в лагерь военнопленных; в случае нужды в чем-либо в лагере он дал мне адрес своей жены, которая вышлет все необходимое³⁵. В двуколке должны были находиться моя пашка и мой военный дневник с документами; под Надрау 15/28 августа вечером мне разбило пулей ножны, и я отправил с раненым казаком конвойной полусотни пашку в обоз, к моему денщику. Я сказал оберлейтенанту, что если в вещах найдется моя пашка, то пусть он ее возьмет себе. Он сейчас же пообещал, что после войны обязательно вернет пашку мне³⁶.

В сумерках мы подошли к дому, где раньше находился Ключев. Мы распрощались, и с тех пор я ничего и никогда не слышал от этого немецкого офицера, как и не видел своих вещей. Ночью нас погрузили в камионы и отвезли на станцию железной дороги, а днем мы были в лагере военнопленных в Нейссе, где уже находился генерал Ключев со своим штабом».

Полковая история: «На обратном пути Богданов попросил меня принять его уже отобранное почетное оружие, саблю, полученную от царя за отличие на прекрасно выдержанном им экзамене, принять на память, так как тогда она будет в хороших руках. Я заверил его, что могу оценить его просьбу по достоинству и отнесусь к сабле с почтением. К сожалению, в горах отобранного оружия мы ее потом не нашли, я должен был удовольствоваться другой, очень хорошей, саблей, где были выгравированы имя царя и крест Владимира. Капитан Грюн принял нас в явно очень нервном настроении, сказав мне, что я должен быстро отпустить моих русских, а затем сообщив с глазу на глаз, что обстановка полностью поменялась: у Нейденбурга полным ходом идет очень сильная атака свежих сил русских с юга. Канонада, доносившаяся с запада, заставляла поверить в это. Итак, этот новый противник сделал попытку разорвать снаружи кольцо вокруг окруженных русских корпусов. Если это удастся, мы в кратчайшее время должны были бы стать пленными наших пленных. Положение казалось поистине очень критическим, так как для боя у нас почти что никого не было; двух наших рот как раз

³⁵ Жена Мартенса в это время находилась в г. Ханенклее (Нижняя Саксония).

³⁶ И ни слова о каком-то другом клинке, переданном в подарок Мартенсу.

хватало только на то, чтобы на непросматриваемой местности сторожить 17 тыс. наших пленных — столько их было, как позднее установили (см.: Рейхсархив. Т. 2. С. 228). Мы были напряжены до предела, когда с запада по шоссе прискакал к нам галопом на кобыле, покрытой пеной, офицер для поручений; шлем на затылке, без дыхания, как вестник при Марафоне, он крикнул: “Русские уже в Пухалловене!”

“Сердечно поздравляю, — подумал я себе. — В Сибирь”. Так как они могли быть тут уже через полчаса...»

***

Однако никакого чуда не произошло, и малочисленным германским войскам, охранявшим русских пленных в Ройшвердере, в том числе обер-лейтенанту Мартенсу, не пришлось ехать в Сибирь, а вот капитан Богданович отправился в лагерь для военнопленных, расположенный в замке Нейссе. Потом ему пришлось побывать в Крефельде, Шваренштедте, Фридберге, пережить трехмесячное заключение в крепости Глац. Лишь в 1918 г. Богданович убежал из лагеря Гютерсло в Нидерланды, где поступил в распоряжение русского военного агента. От непосредственного участия в Гражданской войне Богданович, видимо, уклонился³⁷, но в 1922 г. он был произведен генералом Врангелем в полковники³⁸. Вплоть до конца 1929 г. Богданович находился в дружеских отношениях с генералом Кутеповым и имел самое непосредственное отношение к деятельности его боевой организации³⁹. В 1938 г. он сотрудничал с генералом Бискупским, организовывал русскую молодежь в Германии, работал в «Парижском вестнике» в период оккупации Франции, а после разгрома Германии уехал в Аргентину.

³⁷ Нельзя сказать, что это было типично для вернувшихся из плена. Упомянутые выше генералы: Н.Н. Мартос, Н.А. Клюев и Е.Ф. Пестич, — как и многие другие офицеры, просидевшие по 3,5 года в плену, искали возможности принять участие в Гражданской войне, причем почти всегда на довольно скромных должностях, как не имевшие современного боевого опыта.

³⁸ В эмиграции многие считали это производство «совершенно незаконным» // РВЭ. Т. 6. С. 255.

³⁹ В агентурном сообщении Парижской резидентуры ИНО ОГПУ от 29 января 1926 г., составленном на основании заслуживающих большого доверия сведений, он был назван «душой организации Кутепова» // РВЭ. Т. 6. С. 255. Странно, что ведущее положение в боевой организации занимал офицер, практически не воевавший, при наличии значительного числа гораздо более опытных ровесников.

Ханс Мартенс практически всю войну провел на строевых и штабных должностях в частях на Восточном фронте, хотя ему довелось побывать и во Франции, закончить войну на Балканах, после чего еще и повоевать со спартаковцами. Благодаря знакомству с одним из старших чинов рейхсвера Мартенсу удалось вступить в эту весьма элитную вооруженную структуру послевоенной Германии. Однако в 1922 г. он решил порвать с армией, ушел в отставку в чине майора и поступил в энергетическую компанию, где прослужил долгие годы. Он пережил жену и одного из сыновей, погибшего во Вторую мировую войну.

В 1930 г. Мартенс, бывший довольно активным членом своего полкового объединения⁴⁰, написал и издал полковую историю, в которой подробно описал свою встречу с капитаном Богдановичем. Почему-то лишь спустя 10 лет в адрес Богдановича прозвучали обвинения, на которые он незамедлительно отреагировал, направив 26 марта 1939 г. соответствующий рапорт председателю районного правления Общества офицеров Генерального штаба:

«В архиве исторической комиссии 3-й гвардейской пехотной дивизии имеется перевод из дневника 3-го резервного конного полка германской армии.

На основании этого перевода, к тому же произвольно деформированного, допускается (неясно, где именно; вероятно, в русской печати во Франции. — Ф. Г.) оскорбительная для моего доброго имени квалификация моего поведения 17/30 августа 1914 года.

В этот день, как и раньше, я действовал в качестве офицера русского Генерального штаба.

На основании вышеизложенного имею честь просить распоряжения Вашего Превосходительства о рассмотрении моего поведения 17/30 августа 1914 года судом чести районного правления Общества офицеров Генерального штаба во Франции»⁴¹.

К сожалению, неизвестно, какие именно материалы и чьи свидетельства изучал суд чести, в чем и кто обвинял Богдановича, но 17 апреля 1939 г. по делу было вынесено оправдательное постановление суда чести офицеров Генерального штаба во Франции:

⁴⁰ Богданович также активно участвовал в деятельности Эриванского и Преображенского полковых объединений в эмиграции, и никто из их членов, насколько нам известно, не ставил ему в упрек сдачу в плен и уклонение от участия в Гражданской войне.

⁴¹ ДРЗ имени А. Солженицына. Ф. 7. Оп. 6. Д. 1. Л. 7.

«Ознакомившись с имеющимися документами и письменными показаниями о поведении полковника Богдановича 17/30 августа 1914 года, в один из последних дней операции 2-й армии генерала Самсонова, суд не нашел в действиях полковника Богдановича ничего предосудительного»⁴².

Как было сказано выше, Богдановичу с Мартенсом после 30 августа 1914 г. встретиться не довелось, однако всю их дальнейшую жизнь Танненберг и то, что было с ним связано, не забывались и оставались вполне актуальными для обоих офицеров.

«После чудовищных последствий Второй мировой войны молодому поколению просто нельзя представить себе, что тогда значил для нас Танненберг», — написал Мартенс в 1955 г., посетив в межвоенный период мемориал на поле сражения (уничтоженный в 1945 г.).

Не менее эмоционально вспоминал сражение в письме боевому товарищу, написанном в 1939 г., и Богданович: «Понимаю Вас, что Вам тяжело вспоминать те жуткие дни. Я сам за этой работой (подготовкой мемуаров. — Ф. Г.) раздергал себе нервы: это рана, которая никогда не заживет»⁴³.

Остается лишь отметить, что и немецкий обер-лейтенант, и его русский коллега капитан достойно проявили себя в трагической ситуации, во многом благодаря тем полковым традициям и похожему воинскому воспитанию, которые летом 1914 г. не являлись экзотикой, но, за редким исключением, уже не встречались на полях сражения следующей мировой войны.

---

⁴² Там же.

⁴³ Там же. Л. 75.

References

1. Dom Russkogo Zarubezh'ja imeni A. Solzhenicyna. F.7. Op.6. D. 1.
2. *Tornau S.A.* S rodnym polkom (1914–1917 gg.). Berlin: [b. i.], 1923.
3. Lejb-Jerivancy v Velikoj vojne. Materialy dlja istorii polka v obrabotke polkovoju istoricheskoju komissii. Paris, 1959.
4. *Bogdanovich P.N.* «Vtorzhenie v Vostochnuju Prussiju v avguste 1914» [The Invasion of the Eastern Prussia in August 1914]. Buenos-Aires. 1964.
5. *Martens H.* Kurzer Überblick über die Geschichte des Schweren Reserve-Reiter-Regiments Nr. 3. O. o., 1930.
6. Russkaja voennaja jemigracija 20-40 godov XX veka. Dokumenty i materialy. Tom 6. [Russian Military Migrants of the 20th Century 20s–40s. Document and Materials. Vol 6] Shvatka. Moscow. 2013.

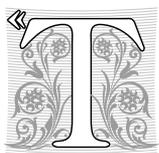

Ключевые слова:

кайзеровская армия; Померанский уланский полк; академия генерального штаба; наступление русской армии в Восточную Пруссию; сражение при Танненберге; русская военная эмиграция; г. Данциг

Fedor A. Gushchin

«Short Meeting». An Episode from the History of the Battle of Tannenberg in August 1914

The article is based on the memoirs of two officers - Hauptmann H. Martens and Captain P.N. Bogdanovich, who met at the moment of the surrender of the remnants of the central corps of the 2nd Russian Army of cavalry general A.V. Samsonov on the last day of the Battle of Tannenberg (East Prussia).

Based on unpublished archival sources stored in the Federal Military Archive (Freiburg) and the A. Solzhenitsyn House of Russian Abroad (Moscow), as well as little-known literature, the life paths of both officers, their combat biographies and details of participation in the key battle of the 1914 campaign on the Russian front of the First World War.

Keywords: Kaiser's Army, Pomeranian Uhlan Regiment, General Staff Academy, Russian Army Offensive in East Prussia, Battle of Tannenberg, Russian Military Emigration, Danzig

Fedor A. Gushchin – C.Sc. (History), Lawyer (Moscow, Russia).
Adv-fedor@bk.ru

Гушин Федор Александрович

кандидат исторических наук, адвокат (Москва, Россия)
Adv-fedor@bk.ru